

УДК 347.23(470) + 343.9:347.2
ББКХ404.111(2) + Х408.121(2)

И. А. Брагин

НЕЛИГИТИМНОСТЬ СОБСТВЕННОСТИ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

I. A. Bragin

ILLEGITIMACY OF PROPERTY AS A CRIMINOGENIC FACTOR OF THE RUSSIAN ECONOMIC SYSTEM

В статье исследуются генезис и эволюция института частной собственности, его взаимосвязь с политическими, экономическими и социальными отношениями в обществе. Раскрываются исторически обусловленные причины институционального кризиса отношений собственности в России. Выделяются социально-экономические и организационно-управленческие факторы экономических реформ, оказавшие влияние на формирование нелегитимной собственности и создающие препятствия в общественном развитии и модернизации страны. Дается характеристика противоречий, оказывающих негативное влияние на формирование криминологически здоровых рыночных отношений. Раскрывается механизм влияния нелегитимной собственности на детерминацию рейдерства. Обосновывается необходимость криминологической санации отношений собственности, предлагаются пути её легитимизации.

Ключевые слова: собственность, правовая природа, нелегитимность, криминализация отношений собственности.

This article examines genesis and evolution of the institution of private property, its relationship with the political, economic and social relations in the society. Historically determined causes of institutional crisis of property relations in Russia are revealed. Social economic and managerial factors of economic reforms influencing the formation of illegitimate property and making obstacles to social development and modernization of the country are stated. Characteristic of contradictions that have a negative influence on the formation of criminological healthy market economy relations is given. Mechanism to influence of illegitimate ownership on determination of raiding is revealed. The necessity of criminological readjustment of property relations is proved, ways of its legitimacy are given.

Keywords: property, legal nature, illegitimacy, the criminalization of property relations.

История развития цивилизации свидетельствует о том, что проблема собственности всегда рассматривалась как важнейшая в хозяйственных и политических отношениях. Поиск путей гармоничного развития любой общественно-политической формации приводил к необходимости соблюдения фундаментального принципа неприкосновенности собственности, представляющего собой диалектику взаимной обусловленности законности приобретения, владения и распоряжения ею, составляющих основу легитимности права собственности.

С древних времен философы и правоведы стремились уяснить правовую природу института частной собственности,

рассматривая его как эффективный инструмент гармонизации общественных отношений, заключающихся в примирении индивидуальных и общественных интересов.

Так, Аристотель рассматривал собственность как фактор, присущий самой природе человека как индивидуума¹. При этом он предостерегал от чрезмерного имущественного неравенства, несущего опасность для равновесия и стабильности государства. Цицерон в своих трудах обосновывал фундаментальное значение неприкосновенности собственности. В римском праве классического и постклассического периодов разработаны и закреплены универсальные положе-

173

Уголовно-правовая
доктрина

ния владения и владельческой защиты, сервитутов, ипотеки, деликтов, неосновательного обогащения и реституции. В частности, в дигестах Юстиниана в книге четвертой подробно регламентирован возврат в первоначальное положение по сделкам, совершенным вследствие силы и страха. Титул II «О том, что совершено вследствие страха» гласит: «...если кто-либо совершит нечто, будучи принужден к тому силой, тот на основании этого эдикта восстанавливается в первоначальном положении». Под силой здесь понималась грубая сила, которая осуществлялась «против добрых нравов», но не та сила, которую власть осуществляет на основании права. Вместе с тем этот эдикт применялся и к противоправным действиям магистрата римского народа, «если он (магистрат) вынудил кого-либо дать деньги ужасом, возбуждаемым мыслью о причинении смерти и бичевании». Тем самым собственность римских граждан ограждалась от неправомерных действий власти. В титуле III «О злом умысле» обосновывается защита от обмана и лукавства. Из комментария Ульпиана следует, что «этим эдиктом претор выступает против двуличных и злоумышленных людей, которые вредят другим каким-либо лукавством: коварство первых не должно приносить им пользы, а простота вторых не должна приносить им вреда». Слова этого эдикта таковы: «В отношении того, о чем будет заявлено как о совершенном по злему умыслу, если по этим делам не предоставляется другого иска и будет ясно справедливое основание, я дам иск»². Такое лаконичное и полное правовое обоснование владельческой защиты от обмана и злоупотребления доверием, т. е. мошенничества в современном понимании, вызывает уважение.

Универсальность и непревзойденность по точности положений римского права о собственности способствовали эволюции и рецепции его в правовых системах последующих эпох. По образному выражению Р. Иеринга, «дух римского права» оказал влияние на развитие правовых систем последующих эпох многих государств. К их числу относится и традиционное российское право. В частности, нормы Русской правды во многом воспроизводили правовые принципы классического римского права о защите частной собственности. Подробно регламентировался порядок ее передачи по наследству, по обязательствам и договорам. В законодательстве Российской империи прослеживается общая тенденция защиты права собственности. В Своде законов

Российской империи 1833 года в лучших традициях римского права дано одно из самых удачных определений права собственности: «Собственность есть власть в порядке гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно»³.

Однако, вопреки такой универсальной регламентации, институт неприкосновенности собственности не стал частью российской правовой традиции. Скорее наоборот, российская история на определенных этапах демонстрирует авторитарное отношение к органике естественного права собственности. Столетия крепостного права наложили отпечаток на последующее историческое развитие, избыточное посприем фундаментальных основ права собственности.

Поздний переход к капиталистическому способу производства и форсированная концентрация основных ресурсов в руках узкого слоя собственников сопровождалась не только чудовищной эксплуатацией наемного труда, но и беспрецедентной конкурентной борьбой, разорением мелких производителей, масштабным присвоением земли, средств производства, природных ресурсов, захватами рынков сбыта продукции. Отстранение властных институтов царской России от регулирующей функции и легкомысленная надежда на саморегулирование капиталистических отношений, с одной стороны, стимулировали активность народившегося класса собственников в масштабных присвоениях и захватах результатов чужого труда, а на другом полюсе формировали широкие слои населения, выражавшие социальное недовольство, что в конечном итоге привело к радикальным изменениям существующей формы власти и государственного устройства в результате Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Эти изменения в очередной раз продемонстрировали, что движущим мотивом всех социально-политических перемен является стремление изменить сложившиеся отношения собственности. Первыми декретами советской власти была осуществлена экспроприация частной собственности, носившая тотальный характер безотносительно к источникам ее происхождения и легитимности права частной собственности. В 1930-х годах, в период коллективизации, эта порочная практика была продолжена и государство реквизирировало у широких слоев крестьянства собственность, которая имела

безусловно трудовое происхождение. Столь масштабные нарушения и последующее игнорирование естественного права собственности, сопряженное с неспособностью власти скорректировать вектор социально-правового развития, объективно predeterminedили гибель и этой общественно-политической формации.

При переходе к рыночной экономике главным противопоставлением предшествующей формации провозглашались фундаментальные принципы многообразия форм и неприкосновенности собственности. В соответствии с п. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации установлено, что «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности»⁴.

Однако с началом экономических реформ в стране был запущен механизм криминального передела собственности, который достиг невиданного размаха и приобрел черты масштабного рейдерства, реализованного на государственном уровне. Фактически приватизация свелась к форсированному созданию узкого слоя крупных собственников, получивших за бесценок государственную собственность.

На этом этапе была осуществлена также идеологическая переоценка таких криминальных явлений, как корысть, теневая и криминальная экономика, спекуляция, мошенничество и коррупция. Все это выдавалось за некие ценности рыночных отношений, на которых строится динамизм и успех рыночной экономики. Легализовавшиеся теневики и контролировавшая их оргпреступность становились заметными игроками в избранной модели экономики.

В условиях коренного политико-экономического реформирования регулятивная роль государства имеет чрезвычайно важное значение. Однако на старте российских реформ проявилась противоположная тенденция к волевому уменьшению роли государства в качестве активного регулятора в экономической и социальной сферах. Поэтому при смене экономической модели хозяйствования образовавшиеся свободные ниши вполне закономерно подверглись криминализации.

Несмотря на то что на политическом уровне утверждалось, что в ходе реализации этого масштабного проекта появятся миллионы собственников, а не горстка миллионеров, фактически участие широких слоев населения в прива-

тизации носило декларативный характер. Это подтверждают результаты ваучерной приватизации. В связи с занижением балансовой стоимости приватизируемого имущества номинальная стоимость приватизационного чека была занижена многократно. А в условиях галопирующей инфляции владельцы вынуждены были продать их за бесценок. В тех же случаях, когда граждане вносили приватизационные чеки в специализированные инвестиционные фонды, как показала практика, они также не получили гарантии владения собственностью. Эти фонды функционировали публично лишь на этапе сбора ваучеров у населения. А после приобретения на них государственной собственности начинался криминальный процесс дележа и перепродажи активов узким кругом лиц, поскольку нормативно-правовая база давала для этого неограниченные возможности.

Самый масштабный рейдерский захват государственной собственности был осуществлен узким кругом предпринимателей при содействии власти в ходе проведения в 1995—1996 годах залоговых аукционов. По схеме залоговых аукционов правительство заключало с избранными банками договоры кредита под залог акций крупнейших высокодоходных и экспортно ориентированных предприятий, по условиям которых в случае невозврата кредита пакеты акций переходили в собственность банков.

Счетной палатой Российской Федерации по итогам комплексной проверки итогов приватизации отмечалось, что в то же время Минфин России разместил на депозитных счетах коммерческих банков, участвовавших в залоговых аукционах, временно свободные валютные средства федерального бюджета. Причем суммы временно размещаемых средств были эквивалентны суммам полученных кредитов. Таким образом, под прикрытием этих притворных сделок был осуществлен захват государственной собственности в обход закона⁵.

Таким образом, объективный анализ двух российских общественно-политических трансформаций XX века позволяет сделать вывод о том, что главной мотивационной основой был кардинальный пересмотр отношений собственности. Однако, преследуя противоположные цели, они поразительно схожи в одном — игнорировании фундаментальных основ неприкосновенности собственности.

Несправедливая приватизация, носившая черты масштабного рейдерства, и сопутствующая ей криминализация

экономики заложили институциональный кризис отношений собственности, создающий серьезные препятствия для гармоничного социально-экономического развития страны. Содержательные компоненты этого кризиса подрывают фундаментальные принципы института собственности, составляющего сердцевину поступательного общественного развития.

Директивное создание класса собственников на практике означало перераспределение собственности в интересах узкого круга лиц, сформировавших новый корпоративный вид — финансовую олигархию. Характерной чертой этого класса собственников является их теснейшая связь с государственной властью. По сути дела, реформы пошли по пути сознательного создания монополии на богатство. В этой экономической системе выигрывает не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто преуспел в борьбе за административный ресурс.

Вследствие экономического и организационно-управленческого кризиса организованная преступность также получила дополнительные стимулы криминальной активности в сфере теневой экономики и передела государственной собственности. Экономическая форма организованной преступности, в свою очередь, не может осуществлять свою деятельность вне взаимосвязи с бюрократией, поскольку многие виды экономической деятельности зависят от государственного администрирования. Поэтому административный ресурс покупался оргпреступностью у чиновников, превращая регулятивную деятельность государства в процесс обмена власти на деньги. Тем самым раскручивался маховик тотальной коррупции. В результате этого в руках организованной преступности и коррумпированных чиновников формировалась колоссальная по объемам нелегитимная собственность.

Для современной российской хозяйственной системы, обладающей чертами переходного политико-экономического устройства, характерное криминологическое значение имеет правовая природа происхождения частной собственности. Нелегитимность права у значительной части собственников детерминирует экономическую преступность, и в первую очередь перманентный передел собственности. В связи с этим весьма актуальной представляется позиция Дж. Локка, обосновывающего идею трудового происхождения собственности. Рассматривая труд как основу легитимности собственности и богатства, он приводил следую-

щее обоснование: «Хотя земля и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему. Что бы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью... Благодаря своему труду он присоединяет к нему что-то такое, что исключает общее право других людей»⁶.

В новейшей российской истории формирование новой экономической модели происходило в условиях криминализации рыночной системы хозяйствования, в том числе и отношений собственности. Криминальная приватизация, экономическая преступность, коррупция, передел собственности и рейдерство заложили в транзитивную экономическую систему противоречия, генерирующие жесткие социальные антагонизмы. Причем доминирующую роль в этом играет институциональный кризис отношений собственности. Внешнее проявление этого кризиса выражается в том, что в обществе сложилось устойчивое мнение об отсутствии законного права у большинства крупных собственников. Нелегитимность права собственности, в свою очередь, заложила труднопреодолимые препятствия в курс общественного развития и модернизации страны. Особенно остро эти противоречия сказываются на основных направлениях формирования рыночных отношений.

Во-первых, приватизация, осуществленная противоправными методами, сделала морально-психологическую почву возрождающегося капитализма крайне зыбкой.

Во-вторых, новые собственники, осознавая свою нелегитимность, мотивированы не на развитие, а на быстрое обогащение любым путем. В результате экономика все более приобретает спекулятивный характер, паразитируя на переделе собственности, выводе капиталов из страны, коррупции, незаконном предоставлении налоговых и таможенных льгот, бесконечном взвинчивании цен и тарифов для населения и др.

В-третьих, нелегитимные собственники не заинтересованы в инвестициях и модернизации производства. По этим же причинам внешние инвесторы не же-

лают вкладывать свои средства в развитие российской экономики. В результате вполне закономерно Россия по уровню инвестиционного климата находится на 120 месте в мире.

И наконец, нелегитимность права собственности детерминировала механизм криминологической мотивации масштабного рейдерства. Более двух десятилетий в российской экономике не угасают войны за собственность. В этой битве используется весь криминальный набор деяний — от коррупции и административного давления до силовых захватов и физического устранения конкурентов.

Таким образом, экономическая преступность и масштабное рейдерство наглядно демонстрируют всю глубину кризиса отношений собственности. В свою очередь институциональный кризис собственности генерирует и воспроизводит криминологически ущербную систему экономических отношений, деформирующих базис социально-экономической системы государства.

Поэтому важным условием корректировки вектора социально-экономического реформирования становится реальная криминологическая санация отношений собственности. Первостепенное значение здесь имеет разрешение проблемы нелегитимности собственности, полученной противоправным путем. Решение этой сложной проблемы безусловно потребует детальной проработки правовых механизмов, позволяющих избежать очередного передела собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В самом общем виде можно рассмотреть несколько подходов. В частности, в отношении собственности, полученной

криминальным путем, как это было, например, с залоговыми аукционами или приобретенной посредством рейдерских захватов и иных криминальных действий, вполне может быть применена национализация, так как владение такой собственностью ни при каких обстоятельствах не может быть признано правомерным. Правовые механизмы национализации обсуждаются в современной юридической литературе и могут служить базовыми основаниями для решения проблемы легитимизации собственности⁷.

Что касается собственности, приобретенной в период приватизации по несправедливым ценам, думается, что применимы более легкие формы легитимизации в виде выплаты, например, компенсационного налога. Причем размер его может быть достаточно гибким с учетом вложенных средств в модернизацию производства, социальные проекты и т. д.

И наконец, к собственности, происхождение которой не подтверждено легитимными доходами, как это часто бывает у коррумпированных чиновников и других лиц, имеющих криминальные доходы, на наш взгляд, может быть применен аналогичный налог на финансы, движимое и недвижимое имущество.

Безусловно, это лишь общие подходы к решению сложной проблемы легитимизации собственности. Здесь необходимы специальные исследования и взвешенный подход.

Вместе с тем, преодоление институционального кризиса отношений собственности и ее легитимизация являются фундаментальным фактором реформ, обеспечивающих прогресс и социальное равновесие в обществе.

Примечания

1. Аристотель Собр. соч. — Т. 1. — М., 1975. — С. 103.
2. Дигесты Юстиниана. — Т. I. М.: Статут, 2002. — С. 409—411; 433.
3. Исаев И. А. История государства и права России. — М., 1994. — С. 162.
4. Конституция Российской Федерации. — М., 1994. — С. 88.
5. Анализ итогов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы — Председатель Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашин. — М.: Олита, 2004.
6. Локк Дж. Собр. соч. — Т. 3. — М., 1998. — С. 276.
7. Коновалов А. И. Национализация имущества: перспективы правового регулирования // Российская юстиция. — 2012. — № 3. — С. 65—69.

Reference

1. Aristotle/Collected edition. Volume 1. Moscow, 1975. p. 103. [Aristotel / Sobranie sochineniy. Tom 1. Moscva, 1975. Str.103.]
2. Digests of Justinian. Volume I. "Statut". 2002. pp. 409-411; 433. [Digesty Justiniana. Tom 1 "Statut". 2002, str. 409-411; 433]
3. Isaev I. A.. History of state and law of Russia. Moscow, 1994. p. 162. [I.A. Isaev/ Istoriya gosudarstva i prava Rossii. Moscva, 1994, str. 162]
4. Constitution of the Russian Federation. Moscow, 1994. p. 88. [Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Moscva, 1994. Str. 88]

5. Analysis of the results of state-owned property privatization in the Russian Federation from 1993 till 2003 (expert-analytical event)/S.V. Stepashin, Head of working party — Chairman of Accounts Chamber of the Russian Federation. - Moscow: publishing house «Olita», 2004. [Analiz itogov privatizatsii gosudarstvennoy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii za period 1993-2003 gody (ekspertno-analiticheskoe meropriyatie) / Rukovoditel rabochey gruppy – Predsedatel Schetnoy Palaty Rossiyskoy Federatsii S.V. Stepashin, Moscva, Izdatelstvo «Olita», 2004.
6. John Locke. Collected edition. Volume 3. Moscow, 1998. p. 276. [Dzhon Lokk. Sobranie sochineniy. Tom 3, Moscva, 1998. Str.276.]
7. A. I. Konovalov.. Socialization of property: perspectives of legal regulation // Russian justice, 2012. No.3, pp. 65-69. [Natsionalizatsiya imushchestva: perspektivy pravovogo regulirovaniya // Rossiyskaya justitsiya, 2012. No.3, str. 65-69

БРАГИН Иван Анатольевич, директор, Уральская государственная юридическая академия, Челябинский филиал. 454071, г. Челябинск, ул. Культуры, 102. E-mail: chelyab@usla.ru

BRAGIN Ivan Anatolievich, Director of Chelyabinsk branch of federal State State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Ural State Academy of Law” Bld. 102, Kultury St., Chelyabisk, 454071. E-mail: chelyab@usla.ru

